

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

РОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ ДЛЯ ТРУДА: РЕЦЕПЦИЯ РАБОТЫ ЭДВАРДА ТОМПСОНА О ВОЗНИКНОВЕНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ТЕМПОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Коновалов Илья Александрович (iakonovalov@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Коновалов И.А. (2019) Рождение времени для труда: рецепция работы Эдварда Томпсона о возникновении капиталистического темпорального сознания. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(1): 193–224.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.9>

Аннотация. Эдварду Томпсону принадлежит одна из самых важных работ, затрагивающих вопрос истоков формирования темпорального сознания индустриального капитализма. Томпсон показывал, с каким трудом происходил процесс приращивания нового отношения ко времени и формирования необходимой для воспроизводства капиталистических отношений темпоральной субъективности. В то же время современные преобразования в экономической организации и социальной жизни ставят под вопрос устоявшиеся способы обращения со временем. Возвращение к работе Томпсона и ее рецепции позволит лучше понять современные трансформации, в том числе задать вопрос о том, действительно ли мы сейчас наблюдаем исторический разрыв в режимах темпоральности. Статья имеет характер обзорно-аналитической работы, в которой сделана попытка эксплицировать концептуальные ресурсы Томпсона, а также показать дискуссии вокруг его работы. Этот анализ осуществляется посредством 1) экспликации томпсоновской критики экономизма и осуществляемого им ухода от экономической онтологии в сторону социологической связи между стоимостью и временем, 2) рассмотрения концептуализации перехода от «ориентации на задачу» к «ориентации на время» и линейной / нелинейной логики этого перехода, 3) критического рассмотрения различных элементов и каузальных связей, способствующих формированию темпоральной субъективности, 4) сопоставления тезисов Томпсона с современными текстами, которые постулируют трансформации организации труда и говорят о формировании соответствующего ему отношения ко времени.

Ключевые слова: индустриальный капитализм, временная дисциплина, часовое время, темпоральность, социология времени, труд.

Введение. Эдвард Томпсон и организация времени индустриального капитализма

Для ряда классических авторов создание темпорального регулирования и дисциплинарных институтов лежит в основании современности. По мнению немецкого исследователя Гартмута Розы, как для М. Фуко, так и для Н. Элиаса было важно, что современные дисциплинирующие (или цивилизующие) институты в первую очередь направлены на регулирование времени (Rosa 2013: 7). Одна из ключевых работ, которая задала основы для понимания трансформации отношения ко времени, — это работа марксистского историка и исследователя культуры Эдварда Томпсона «Время, трудовая дисциплина и промышленный капитализм» (Thompson 1967).

В своей статье 1967 г. Э. Томпсон ставит цель показать, как в ходе социально-экономических преобразований в Британии XIII–XVIII вв. выработалось специфическое и одновременно очень привычное для нас отношение ко времени. Центральная проблема для Томпсона — связь между изменением внутреннего ощущения времени и теми новыми трудовыми и дисциплинарными практиками, которые принес с собой индустриальный капитализм. Томпсон считает, что это привычное и своего рода безальтернативное понимание рабочей этики и восприятия времени имеет свое основание в конкретном устройстве экономических отношений: организации труда, развитии технологии и производственных отношениях. Все это накладывает отпечаток на то, каким образом люди воспринимают время. Более того, эти элементы создают условия узнавания о времени как таковом.

Через обращение к опривыченным, интернализированным формам «чувства времени» Томпсон предлагает нам посмотреть на некоторые непроговариваемые феноменологические обоснования капитализма. Антрополог Кейтлин Миллар хорошо характеризует замысел Томпсона: «Томпсоновская история индустриального капитализма предлагает рамку для соотнесения политической экономии и субъективности с помощью единой аналитической оптики. Она позволяет задавать вопрос о том, как труд создает способы пребывания в мире (*modes of being in the world*)» (Millar 2015: 32). Иными словами, работа Томпсона указывает на то, что условия труда и отношения найма предполагают и создают определенную субъективность («человеческую природу»).

Может возникнуть вопрос: Зачем сейчас обращаться к статье Томпсона? На этот вопрос можно ответить с двух позиций. С одной стороны, несмотря на значимость работы Томпсона для историков, социологов и социальных антропологов, его наследие не так хорошо изучено в России.

В частности, не так много российских исследователей цитируют рассматриваемую нами статью. Предложенный текст можно считать обзорным, позволяющим проанализировать поставленную Томпсоном проблему и возникшие вокруг нее дискуссии и обсуждения.

С другой стороны, одного лишь исторического интереса было бы недостаточно. Что важнее, работа Томпсона не только не теряет актуальности, но и, наоборот, представляет огромный интерес, поскольку современные преобразования организации труда и отношений занятости эксплицитно затрагивают категорию времени: распространение нестандартной занятости, темпоральная флексибилизация, временные контракты, 24/7-экономика, рост значимости креативных элементов в труде, которые не поддаются линейному планированию и измерению. Через внимание к изменившимся формам организации времени и переживания времени можно более тонко уловить происходящие перемены, а работа Томпсона все еще предоставляет хорошую отправную точку и концептуальные инструменты для этого анализа.

Помимо этого, работа Томпсона может быть прочитана заново в контексте темпорального поворота в марксистской теории. За последнее время вышел ряд работ, которые эксплицируют и проблематизируют значимость категории времени в трудах Маркса. Можно упомянуть работы Дж. Мартино (Martineau 2015), Ф. Питтса (Pitts 2017), К. Лотца (Lotz 2014) и М. Томба (Tomba 2013). На английский язык был выполнен перевод книги С. Томбазоса о категориях времени в «Капитале» Маркса (Tombazos 2014).

Мы выделили три основных аспекта, для разработки которых статья Томпсона дает больше всего ресурсов и вокруг которых возникали наибольшие дискуссии.

Во-первых, это общий вопрос о соотношении капиталистического и некапиталистического времени. В первую очередь для нас будет важно, как Томпсон вводит понятие «ориентации на задачу», противопоставляя ее «ориентации на время», и как эта предложенная дихотомия встраивается в пару природное/социальное время. Риск использования таких упрощающих дихотомий заключается в том, что порой происходит романтизация досовременного, которое в духе культурного пессимизма относительно современности приравнивается к природному, гармоничному.

Во-вторых, мы попробуем разобраться, какому фактору отдает предпочтение Томпсон в детерминации отношения времени. Он обращается к организации производства (разделению труда и дисциплине), возникновению машинного производства, закреплению отношений наемного

труда и к распространению средств учета времени. Несомненно, каждый из этих факторов может иметь определенное влияние. Но их аналитическое разделение позволит лучше понять формирование индустриального отношения ко времени.

Третья проблема, которую хотелось бы выделить, — это соотношение анализа Томпсоном индустриальных преобразований и современных трансформаций организационных форм, трудового процесса и восприятия времени. Насколько тезисы Томпсона все еще релевантны в современности и дают ли они ресурсы для более четкого понимания происходящих изменений (или их отсутствия)?

Перед началом содержательного изложения текста стоит сделать замечание. Томпсон — историк, и его текст написан в определенной дисциплинарной традиции, как и множество текстов, развивающих или критикующих его идеи. Но его текст повлиял и на социологическую науку. Социологический взгляд на его текст предполагает некоторое обеднение содержания в пользу строгости утверждения связей. К сожалению, порой это приводит к вульгаризации тезиса Томпсона, к простой дихотомизации, отрывочному выделению некоторых факторов, которые для Томпсона составляли единое историческое целое. За счет внимания к рецепции его работы внутри социальной и экономической истории, социологии и социальной антропологии мы попытаемся найти верный баланс между исторической детализацией и утверждениями общего характера.

Между принуждением и рациональным выбором. «Время» внутри марксизма и экономической истории

Тезисы Томпсона имеют важное следствие для теорий, описывающих экономическое развитие и связь экономических и социальных структур. Время важная, но зачастую имплицитная категория экономического анализа. Работа Томпсона позволяет проблематизировать некоторые допущения этого анализа. Сам Томпсон в своей статье писал, что «такие понятия, как “временное предпочтение” и “обратная кривая предложения труда”, это зачастую неуклюжие попытки найти экономические термины для описания социологических проблем» (Thompson 1967: 80).

В этом разделе мы обратимся к двум традициям, которые наиболее близки к его исследованию: марксистской теории и экономической истории «индустриальной революции», в первую очередь к работам Я. де Фриса, Г. Фота и Г. Кларка.

Бенджамин Снайдер характеризует эти направления и пишет, что для первой традиции «часовое время» представляется как механизм экономических властных отношений, через который воспроизводится социаль-

ное господство, в то время как для второй «часовое время» — это в первую очередь «производительный ресурс», который агенты могут использовать по своему усмотрению (Snyder 2013: 244).

Здесь стоит упомянуть некоторые следствия работы Томпсона для общего характера марксистских рассуждений, которые сам он не проговаривает.

Маркс осуществлял свой критический анализ политической экономики, заимствуя из нее то, что называют «трудовой теорией стоимости». В общем виде такая теория постулирует, что между рабочим временем и стоимостью товара существует определенная связь, а цены товаров на рынке хотя и могут отклоняться от своей стоимости, но стремятся ей соответствовать.

Проблема, однако, заключается уже в том, что такой анализ предполагает «время» как оперативную категорию. Анализ Томпсона же задается генезисом подобного времени. Чтобы пояснить эту мысль, можно обратиться к тому, как в своем дополнении к третьему тому «Капитала» Энгельс рассуждает о простом товарном обмене (Энгельс 1962). Он показывает, как в определенных условиях, при которых владельцы средств производства производят товары для обмена без цели накопления, происходит соотношение временных затрат на разнородный труд. Энгельс утверждает, что крестьянин примерно представляет, сколько времени он потратил на производство своего товара. При достаточно частых контактах и обменах он также представляет, сколько времени тратит его партнер по обмену. Таким образом, этот обмен происходит по определенным правилам рационального расчета, который предполагает определенное сознание времени.

Нетрудно увидеть, что томпсоновская постановка вопроса предполагает совершенно иной подход. Вместо того чтобы положить время в основание обмена, он задается вопросом: Откуда такое отношение ко времени может взяться? Иными словами, томпсоновский вопрос содержит в себе зачатки перехода от проблематики «экономической онтологии» (что определяет стоимость?) к социологическому вопросу (какие социальные отношения создают взаимосвязь между временем и стоимостью?).

Этот социологический вопрос развивает в своей книге «Время, труд и социальное господство» Мойше Постон (Postone 1993). Постон принимает во внимание аргумент Томпсона, но смещает акценты. В отличие от Томпсона, он не предполагает, что «часовая культура» возникает только с развитием индустриального капитализма. Практики временной дисциплины и внедрения часов существовали и ранее, но Постон считает важным, что хотя технологически часы могли получить распространение и раньше, их роль в повседневной жизни оставалась незначительной.

Отношение ко времени как к абстрактной единице, независимой от конкретных практик, может возобладать только в обществе, где формальная структура социальных отношений выстроена через опосредование абстрактным трудом.

С одной стороны, работа Постола еще больше акцентирует значимость социального конструирования «времени» как важного элемента экономических взаимодействий, тем самым дополняя Томпсона; с другой стороны, он смещает локус принуждения. Если для Томпсона конфликт вокруг времени сводился к множеству взаимодействий между работодателем и работником, которые выливались в совокупный конфликт, то для Постола это темпоральное принуждение принимает видимость абстрактного господства. Не капиталист против рабочего, что заставляло бы встать на сторону рабочего и романтизировать его потерянную автономию, но абстрактная социальная система, которая господствует над каждым из них, но только по-разному. Так или иначе, теория «абстрактного времени» как возникающая из социальной формы абстрактного труда представляет собой многообещающую теоретическую надстройку над во многом эмпирической работой Томпсона и получает свое развитие в работах В. Бонфилда (Bonfeld 2010) и Дж. Мартино (Martineau 2015).

Экономические историки разделяют интерес Томпсона к историческому периоду, переходящему в индустриальную революцию. Но, по их мнению, рост производительности, который часто приписывают индустриальной революции, на самом деле начинается вне технологических новаций и основан на увеличении длины трудового дня.

Используя данные из свидетельских показаний, которые давались перед судом в период между 1700 и 1850 гг., Ганс Фот показывает, что, прежде чем рост производительности можно приписать росту основного капитала, наблюдается увеличение трудовой занятости, в первую очередь за счет сокращения выходных дней, ярмарок и фестивалей (Voth 1998). Фот предлагает два возможных объяснения этому увеличению трудового дня. Во-первых, это рост молодого населения, который приводит к увеличению предложения на рынке труда и снижению зарплат, что вынуждает больше работать. Во-вторых, рост предложения потребительских товаров приводит к тому, что население Британии, например, принимало решение иметь меньше свободного времени ради доступа к более насыщенному (через рост потребления) оставшемуся времени.

Фот и Томпсон, казалось бы, говорят о похожих процессах: о том, что трудовая дисциплина привела к увеличению рабочего времени. Однако если для Фота снижение значимости праздников и сакральных дней (например, «святого понедельника») имеет количественный характер и при-

водит к увеличению среднего количества рабочих часов, то для Томпсона само существование такого регулирования свидетельствует скорее о встроенности рабочей деятельности в иной порядок, кроме непосредственно экономического. Для Томпсона разрушение «святого понедельника» свидетельствует о том, что люди перестают соотносить свое время с одними ориентирами и начинают ориентироваться на другие. Первичное значение имеет не столько само удлинение рабочего дня, сколько принятие рабочими логики часового времени как способа регулирования труда.

В то время как Фот в основном фокусируется на количественном анализе увеличения времени труда, Ян де Фрис предлагает объяснительный механизм (Фрис 2016). Он вводит концепцию «революции трудолюбия» вместо концепции «индустриальной революции». По его мнению, экономический рост был обусловлен не технологическим развитием, а увеличением времени труда. Однако это время увеличивалось не за счет дисциплинарного принуждения. Де Фрис предлагает перенести акцент со сферы производства на сферу потребления, от структуры фабрики к структуре домохозяйства, от предложения к спросу.

Ян де Фрис приписывает автономную роль «семье малого типа». Такие семьи, по мнению Фриса, обладают большей возможностью реагировать на благоприятные возможности, в том числе рыночные. В то же время эта адаптивность возникает за счет уменьшения возможности противостоять неблагоприятным ситуациям, которая была выше у «семей большого типа». «Революция трудолюбия» заключается в том, что домохозяйства перераспределяют свои производственные ресурсы (в первую очередь время семьи) таким образом, чтобы переориентировать себя на рыночный спрос. «Малые домохозяйства» более успешно могут осуществить эту переориентацию. Другой элемент «революции трудолюбия» — это растущий спрос на товары, которые не могут быть получены внутри домохозяйства, и соответственно распространение ориентации на деньги как результат производства. Изначально оно вызывается ростом международной торговли, появлением на рынке экзотических товаров. Но затем сама дифференциация домохозяйств на основе производимых товаров приводит к дальнейшему разнообразию потребительского рынка.

На сторону производителей переносит агентность и другой экономический историк — Грегори Кларк (Clark 1994). Тезис Кларка звучит нарочито парадоксально: рабочие сами нанимали капиталистов, чтобы работать больше и лучше. Аргумент Кларка заключается в том, что если бы рабочие выступали полностью рациональными агентами рынка, то они бы смогли организовать свой труд таким образом, чтобы получить большую

выгоду от своего труда без дополнительной дисциплины. Однако, пишет Кларк, «рабочие выбрали дисциплину, потому что управляющие, которые организовали работу таким образом, могли снижать издержки и повышать заработную плату. Рабочие предпочли дисциплину и высокую зарплату свободе и низким доходам» (Ibid.: 130).

В отличие от Фота и де Фриса, Кларк не преуменьшает значимость технологических новаций. Он пишет, что дисциплина становится рациональной стратегией для управляющего только тогда, когда объем основного капитала позволяет получить прирост, достаточный для того, чтобы оплатить «прибавку», которая бы смогла убедить рабочего согласиться с такими условиями труда. Как пишет Кларк, большое количество капитала на одного трудящегося повышает экономию от принуждения к более тяжелому труду (Clark 1994: 131).

Через призму подхода Томпсона, однако, тезис Кларка выглядит противоречивым. С одной стороны, у рабочих не хватало дисциплинированности, чтобы организовать свой труд более эффективно, избегая жесткой внешней политики дисциплины. С другой стороны, рабочие обладали достаточной степенью рациональной расчетливости, чтобы «принять решение», что участие в труде с более высокими зарплатами, но худшими условиями будет для них выгодно. Однако предпосылкой второго суждения является, если мы согласимся с Томпсоном, определенное отношение ко времени: готовность обменять время на больший доход, восприятие времени как ресурса, который должен быть эффективно вложен, и полная интернализация представления, что человек продает часть своего рабочего дня, отчуждает свое время. Таким же образом с позиции Томпсона анализ де Фриса предполагает то, что нужно объяснить, а именно рациональное и продуктивистское отношение ко времени. Неслучайно де Фрис ставит в основу своего анализа модель «распределения времени» Г. Беккера, полагающуюся на экономическую модель человека, которая для Томпсона сама является исторически специфичной. Но в чем эта историческая специфичность?

«Ориентация на задачу» и «ориентация на время»: от естественного к искусственному?

В этом разделе мы разберем, каким образом Томпсон описывает переход к капиталистическому времени. Одним из главных концептуальных инструментов для Томпсона является различие между «ориентацией на задачу» и «ориентацией на время». Первое отсылает к определенному отношению к труду, встроенному в социальный порядок, и требованию момента, второе представляется внешне навязанным критерием осуществ-

ления деятельности. Само понятие «ориентации на задачу» Томпсон заимствует из программного выступления Кита Томаса «Работа и досуг в доиндустриальном обществе», в котором тот пытался показать, насколько мало историки и социальные исследователи знали о структурировании труда и времени в доиндустриальный период. С помощью понятия «ориентация на задачу» Томас пытается акцентировать различия между привычным нам способом организации и учета труда и тем, как к трудовым обязанностям относятся люди при иных способах организации экономики (Thomas 1964).

Томпсон определяет «ориентацию на задачу» посредством трех характеристик: 1) ориентированный на задачу труд более понятен, его цели и условия встроены в саму задачу, в то время как измеряемый временем труд содержит внешний элемент, внешнее принуждение; 2) ориентированный на задачу труд характерен для обществ, где менее всего выражена граница труда и не-труда; 3) ориентация на задачу выглядит как пустая растрата времени, если рассматривается из позиции «ориентации на время» (Thompson 1967: 60).

Переход от «ориентации на задачу» к «ориентации на время» связан с рядом феноменологических следствий. В первую очередь «ориентация на задачу», пишет Томпсон, обладает определенной понятностью. Необходимость выполнения задачи встроена в процесс ее выполнения, такой труд связан с «наблюдаемой необходимостью» (Thompson 1967: 60). Тогда как труд с «ориентацией на время» разрывается на два аспекта — сам процесс труда, который с позиции работника предписывается темпоральной произвольностью, и необходимость труда, связанная с получением денежного вознаграждения. В результате такой трансформации производительная активность отрывается от своего конкретного результата. Значимость этой абстракции труда подчеркивает в своем комментарии к немецкому переводу Томпсона Джон Холлоуэй, когда пишет, что «часовое время может стать господствующим только в обществе, где сама деятельность абстрагируется от действий (*doing itself abstracts from doing*), в которых деятельность безразлична к своему содержанию» (Holloway 2011).

Далее, социальное время, которое не структурируется наемным трудом, переживается иначе, оно протекает само по себе, оно просто есть. Когда происходит разделение времени на «свое время» (*own time*) и «время хозяина» (*owner time*), то это создает феноменологические предпосылки для переживания недостаточности времени. Иными словами, само ощущение времени как ограниченного ресурса возникает из-за встроенности времени в товарно-денежные отношения наемного труда. При этом возникает определенная асимметрия между трудом и капиталом. Для

трудящегося этот дефицит времени в первую очередь связан с «конечностью» собственной жизни (Осборн даже исходя из этой конечности описывает онтологический базис связи «стоимости» и времени /Осборн 2012: 46/). Для работодателя же это создает стимул к тому, чтобы контролировать время рабочего, использовать все доступные средства, чтобы оно не пропало. Подобные изменения позволяют возникнуть специфической установке, которую Томпсон называет «экономия времени» (*time thrift*) (Thompson 1967: 78).

Другой важный сюжет, который проходит лейтмотивом в работе Томпсона, — это регулярность/нерегулярность труда, а также непрерывность времени труда. По его мнению, индустриальная организация труда все больше превращает труд в последовательную и регулярную деятельность, в то время как в доиндустриальный период труд зависел от непредсказуемости природы и социальных обычаев. Но такая регулярность требует и необходимости устойчивой и слаженной синхронизации множества работников и отраслей, в отличие от относительно спонтанной организации рабочего процесса прошлого. Для Томпсона примером такой спонтанности и отсутствия необходимости в строгой синхронизации является домашнее ремесленное производство.

Именно это немного идиллическое и романтизированное описание доиндустриального способа производства вызвало наибольшую критику. Так, Майкл О'Мэлли характеризует рецепцию Томпсона среди историков: «Предпочитая “святой понедельник” тейлористским исследованиям использования времени и сезонную изменчивость в темпе работы монотонному графику, они приходили к выводу, что близость к природе способствовала более расслабленному (*leisurely*) чувству времени» (O'Malley 1992: 341). По мнению М. О'Мэлли, идеи о времени (зачастую действительно описываемые в доиндустриальную эпоху посредством природных указателей) невозможно напрямую связать с тем, как организован труд. Тот факт, что категории времени выстроены по аналогии с природными циклами, не свидетельствует о том, что люди ведут какой-то более «расслабленный образ жизни». Он критикует историков за то, что те, обращая внимания на идеи о времени, автоматически приравнивали их к отношению к труду. То, что должно было быть доказано, стало предпосылкой. Он же замечает, что хотя способы учета времени в неиндустриальных обществах действительно основывались на природных признаках, указание на то, как его использовать, «исходило преимущественно от церкви или от смешения религиозных и народных обычаев» (Ibid.: 346). Критикуя понятие «ориентации на задачу», О'Мэлли пишет, что «работа никогда не осуществляется просто потому, что она должна быть осуществлена — ей всегда

предшествует цепь культурных обоснований, которые указывают необходимость задачи, время для ее выполнения и способы» (Ibid.: 344). Подобная критика позволяет сделать вывод, что обозначение культур как «ориентированных на задачи» лишает нас возможности увидеть те решения о времени, которые они принимают, потому что эти решения находятся в другом режиме ценностей.

В то же время, насколько эта критика действительно направлена на Томпсона, а не на его упрощенную рецепцию? Если мы обратимся к тому, как Томпсон работает с неиндустриальными обществами, то можно заметить, что для него в центре внимания находится прежде всего социальная организация практик, а не предполагаемая «гармоничность» с природой. Он пишет, что «среди примитивных народностей измерение времени зачастую соотносится со знакомыми процессами в цикле работы или домашних обязанностей» (Thompson 1967: 58). Томпсон говорит о цикличности, но не сводит эту цикличность напрямую к природе.

Впрочем, в данном случае Томпсон остается амбивалентен. Роль «природного» (это слово Томпсон иногда берет в кавычки) все-таки значима. Он пишет об особом чувстве необходимости труда, которое возникает из ощущения, что «принуждение здесь идет от самой природы» (Thompson 1967: 60). Говоря о группах людей, чья деятельность не регулируется дисциплинарным принуждением (самозанятые, художники и студенты) он обращает внимание на то, что для них характерны перемены высокой интенсивности труда с последующим длительным отдыхом. Исходя из этого Томпсон позволяет себе сделать предположение о существовании «естественных ритмов».

Подобные замечания открывают возможность для чтения Томпсона через доиндустриальную гармоничность отношений между человеком и природой и романтизацию своего рода руссоистского «естественного состояния».

Но, по нашему мнению, Томпсон говорит скорее о том, как переживается труд, а не о том, как он объективно встроен или выпадает из природного порядка. Томпсон здесь говорит о «наблюдаемой необходимости» (*observed necessity*). Похоже, что для него важнее тот факт, что для неиндустриальных обществ «природное» является адекватным способом легитимации необходимости труда. Еще один фактор, который говорит в пользу того, что для Томпсона значимую роль играет не «природное» как таковое, а социальные отношения, в которые встроена деятельность, — это его указание на роль ритуалов и обрядов, с которыми связан, например, сельскохозяйственный труд. Такой труд, по Томпсону, встроен

в определенные социальные отношения и обряды и за счет своей прямой социальности не испытывается как внешнее бремя.

Тем не менее многие исследователи читали Томпсона именно через призму дихотомии «современное/несовременное», и далее мы рассмотрим, каким образом они пытались преодолеть ограничение, которое возникает из этой дихотомизации.

Например, работа Марка Смита «Принуждение по часам: время, рабство и свобода на американском Юге», посвященная организации труда и времени среди рабовладельцев Юга Америки, показывает переплетения, возникающие между разными способами организации труда (Smith 1997). Вместо того, чтобы изображать линейную картину развития, он указывает, что владельцы плантаций заимствовали часовые способы регулирования труда. Таким образом, изменения в одном экономическом секторе приводили к изменениям в другом, что создает сложное сплетение между формами собственности, технологической оснащенностью труда и «чувством времени». Однако работа М. Смита ограничена постановкой вопроса: сфокусировавшись на распространении часов и на техниках использования часового принуждения в труде, он игнорирует вопрос о том, насколько отношение ко времени может стать всеобщим. Он пишет, что среди рабов интернализация времени не произошла окончательно и, более того, им не позволялось иметь собственные часы. Из чего можно сделать вывод, что для плантаторов часы — это внешний способ повышения продуктивности, но не создание нового всеобщего отношения к труду.

Томас Смит в статье «Крестьянское время и фабричное время в Японии» показывает, что японские крестьяне периода Токугава, хотя и не были погружены в мир «часового времени», обладали представлением о времени как о ресурсе: «Время обладало моральной значимостью, связанной с его производительным использованием» (Smith 1986: 167). Впрочем, Т. Смит выделяет важное культурное различие, утверждая, что экономия времени имела не индивидуальный, а коллективный характер. Время экономилось для сообщества. Таким образом, Смит пытается показать на японском примере, что дисциплинализация времени обязательно связана с индустриальными преобразованиями и с логикой индивидуализации.

Вместе с тем сам Т. Смит подчеркивает особый характер японского сельского хозяйства, которое подразумевало высокую конкурентность: «Фермерство было высококонкурентной деятельностью. Клочки земли постоянно переходили от семьи к семье через продажу и залог, перемещая их владельцев вниз и вверх по социальной лестнице» (Smith 1986: 179).

Похожий тезис озвучивает и О'Мэлли, описывая отношение ко времени американских фермеров XIX в. (O'Malley 1992: 348).

Таким образом, мы приходим к выводу, что авторы подчеркивают значимость конкуренции для формирования определенного отношения ко времени. Надо заметить, что фактор конкурентности у Томпсона почти не упоминается. Он присутствует в его работах имплицитно, в той степени, в которой он говорит о капиталистических преобразованиях. Но этот тезис точно не вступает с ним в противоречие. Критика Т. Смита базируется на предположении, что для Томпсона основополагающими элементами описания трансформации темпоральности являются индустриализация и натуралистическое описание неиндустриального времени. Но ниже мы покажем, что это не совсем так.

Исходя из этой критики упрощенного понимания неиндустриального и линейности трансформации антрополог Тим Ингольд в работе «Время, работа, промышленность» (Ingold 1995) предлагает реконцептуализацию отношения времени и индустриального труда. Начинает он с того, что вводит свое определение «ориентации на задачу», уточняя, какими характеристиками обладает деятельность, которую можно обозначить как задачу.

Ингольд определяет «ориентацию на задачу» тройким способом. В первую очередь он обращается к М. Салинсу, чтобы указать на то, что такая деятельность всегда направлена на некоторую социальную рамку, выполнение роли, которая продолжает быть с субъектом и без этого конкретной деятельности. «Воспринимать деятельность как встроенную в социальные отношения — значит считать ее тем, что я бы назвал задачей», — пишет Ингольд (Ingold 1995: 6). Но к этому он добавляет, что задача связана с определенным техническим умением (skill), требует от агента компетентности для исполнения (и для Ингольда этот набор компетенций составляет основу личности). И в завершение Ингольд выделяет задачу как деятельность, которая определяется через результат, не имея при этом четкой кодификации, формализации исполнения.

Ингольд считает, что идентичность человека определяется через те задачи, которые он решает. И, следовательно, идентичность современного человека включает в себя ряд ассоциаций, которые следуют из решения «часовых задач». Благодаря такой реконцептуализации основной вопрос начинает звучать иначе: откуда берутся эти часовые задачи, как люди с ними справляются, как это связано с их идентичностью и как решение этих задач получает признание. Ингольд отмечает, что, присмотревшись поближе, мы обнаружим, что само рабочее место является концентрацией задач, а часовое время оказывается не только внешним принуждением,

которое чуждо рабочему процессу. Часовое время становится частью рабочего процесса, с которой компетентные работники могут совладать. Они делают «холодное часовое время» так или иначе частью своей жизни, одомашнивают его.

С похожей критикой относительно описания современного производства выступает исследователь темпоральности организаций Джон Хассард. Он критикует традицию в исследовании индустриального труда, которая обращает внимание только на линейный, коммодифицированный аспект времени. По его мнению, подобный фокус затмевает тот факт, что «индустриальный мир состоит не только из рабочих систем, темп которых задается машинами, но и включает в себя огромное количество рабочих процессов, основанных на саморегулировании темпа» (Hassard 2017: 21). Причем, по замечанию Хассарда, это касается не только профессионального и высококвалифицированного труда, особую темпоральность которого отмечал и Томпсон, но и массового работника, а также работников в сфере услуг.

Одна история или множество историй?

В 1996 г. Найджел Трифт и Пол Гленни написали статью, где предлагается критически пересмотреть томпсоновские тезисы (Glennie, Thrift 1996). Они полагают, что методология социального исследования больше не должна использовать глобальные нарративы. Те детали и эмпирические данные, которые доступны нам для исследования, надо использовать не для конструирования большого рассказа, например о переходе от «доиндустриального» к «индустриальному» временному режиму, а для изложения множества историй. «Часовое время», по их мнению, собирается из множества разных практик, возникает в множестве контекстов. В итоге эти «истории» оказываются в конфликте, пересекаются, создавая новые практики или отношения, либо же просто уходят в никуда.

Авторы указывают, что со времен Томпсона мышление о времени сместилось в сторону множественности и фрагментарности. Ссылаясь на работы по социологии времени, в частности тексты Барбары Адам, Трифт и Гленни постулируют уход от дуализмов в сторону множественных дуальностей. Время становится множественным (нет единой концепции социального времени, нет прямой последовательности временных эпох) и гетерогенным (невозможно обнаружить социальную инстанцию или практику, которая отвечает за «чувство времени»). Трифт и Гленни подводят итог: «Время становится серией коллективно произведенных порядков, постоянно подтверждаемых новаторскими практиками» (Glennie, Thrift 1996: 280).

Отвечая на эту критику, марксистский исследователь капиталистического режима времени Джей Мартино (Martineau 2017) пишет, что Трифт и Гленни не задают главный вопрос: кто замеряет время, чье время замеряется и для каких целей? Мартино считает, что в момент, когда социальные отношения все больше пронизаны рыночными отношениями, сами цели учета времени преобразуются, поскольку динамика рынка задает общую структуру для множества практик, заставляя их соотноситься с собой.

Вторая претензия Трифта и Гленни состоит в том, что анализ Томпсона в одном понятии «временной дисциплины» совместил три разных фактора. Трифт и Гленни считают, что единое понятие «временной дисциплины», которое использует Томпсон, является лишь следствием исторического совпадения трех важных характеристик организации социального действия. Они выделяют **регулярность** — рутинную повторяемость действий; **координацию**, т.е. такую организацию действий, при которой пространственно-временные пути плавно соединяются друг с другом; **стандартизацию** — схожесть пространственно-временных «путей» множества индивидов.

Они пишут, что фордистский и протофордистский режим организации труда совмещают в себе тенденции к стандартизации, регулярности, координации. Но другие экономические практики, которые возникают и воспроизводятся в индустриальную эпоху, могут быть лишены какого-то из этих элементов, сохраняя в себе характеристики временной дисциплинированности. И наоборот, можно обнаружить все три элемента в производственных практиках неиндустриального характера. Также Трифт и Гленни задаются вопросом, как в терминах Томпсона должна быть описана современная тенденция к увеличению «гибкости» труда, который гораздо менее стандартизирован и регулярен.

Этот упрек приобретает особую значимость в контексте дискуссий о «когнитивном капитализме». Карло Верчеллоне, рассуждая о когнитивном капитализме, приходит к выводу, что капитал использует разные способы подчинения труда в зависимости от необходимости снижения рисков. Одни обстоятельства приводят к тому, что труд строго контролирует сам процесс производства. Но в других обстоятельствах капитал может вернуться к формальному (монетарному) подчинению, оставляя сам процесс труда на долю производителей (Vercellone 2007). Похожий аргумент использует и Дж. Хассард, указывая на то, что в определенных условиях единственным способом повысить производительность труда будет наделение работника темпоральной автономией, а не усиление временной дисциплины (Hassard 2017: 21).

Более того, как подчеркивает Ричард Уипп, сам тезис о необходимом переходе к организованному и дисциплинированному труду может быть поставлен под сомнение. Ссылаясь на работы Сейбела и Цайтлина, он показывает, что гибкий и ремесленный способ производства вполне мог сохранить свою важную роль внутри капиталистического производства (Whipp 1987). Это же напряжение просматривается и у самого Томпсона, которому в тексте приходится принять во внимание неравномерность, с которой различные отрасли и профессии «впитывали» описываемую им временную дисциплину.

Иным образом критикуют линейный нарратив Томпсона в своих работах Майкл Саутер (Sauter 2007) и Бенджамин Снайдер (Snyder 2013).

Саутер утверждает, что овладение «часовым временем» имело локальный характер и все еще соотносилось с каким-то типично «традиционным» указателем времени. То есть часы не противостояли «старому» способу учета времени, а дополняли его. «Сопrotивление времени», которое можно обнаружить, выражает не противостояние дисциплинарного и не дисциплинарного, а столкновение разных дисциплин, исходящих из разных источников. Вместо того, чтобы предположить линейное движение от традиционного к современному, М. Саутер пытается показать, что разница здесь не между переходом к дисциплине, а в том, через какие источники знания эта дисциплина формируется. Если нововременная и городская темпоральная дисциплина полагались на локальное знание, очень четко привязанное к значимости «места» (*place*) и соотносимое с понятным референтом — солнцем, то современная временная дисциплина полагается на работу специалистов, зачастую остающуюся анонимной и получаемой нами в абстрактных результатах.

Б. Снайдер вместо описанной выше дихотомии вводит различие внутри самой временной дисциплины на основе веберовского рассмотрения аскетизма. Он выделяет два идеальных типа: «собранность» (*vigilance*) и «занятость» (*busyness*). «Собранность» строится на использовании расписаний и часовых механизмов, чтобы преодолеть телесные страсти и сиюминутные желания, через наполнение жизни методическими практиками, в основном религиозного характера. «Занятость» же подразумевает внимание к множеству активностей, желание наполнить время делами, направленными на личное саморазвитие и экономический успех. Б. Снайдер показывает, что временная дисциплина как культурно осмысляемая практика не возникает вместе с индустриальной экономикой. Так, регулярность была присуща как культуре «собранности», так и культуре «занятости». Но в отличие от монахов бенедиктинцев (прототипичных для культуры «собранности»), культура «занятости» включает в себя вариативность деятельности, нацелен-

ность на выполнение как можно большего количества задач в как можно меньшие сроки. И если первая направлена на «рутинизацию простоты», то вторая — на «рутинизацию сложности».

Истоки временного сознания: машины, разделение труда и наемный труд

В этом разделе мы рассмотрим взаимодействие трех основных элементов, через которые описывается переход к индустриальной организации труда: технологические изменения, развитие разделения труда в производстве и рост отношений наемного труда.

Технологические изменения являются обычно одним из очевидных способов описать изменения времени. Появление и улучшение часового механизма, развитие железнодорожного транспорта и машинное производство зачастую полагаются как способные детерминировать темпоральное сознание сами по себе (Bowker 1995).

Про развитие транспорта Томпсон не пишет, поэтому этот сюжет оставим в стороне. В том, что касается часов, то Томпсон посвящает им раздел своей статьи, чтобы удостовериться в распространении часов в рассматриваемый им период. Но какой статус имеет эта история? Было ли распространение часов одной из причин, по которой появляется «ориентация на время»? Либо же распространение часов — это лишь убедительная иллюстрация и способ доказательства основного тезиса? Томпсон пишет, что «общее проникновение часов происходит (как и можно было ожидать) в тот самый момент, когда индустриальная революция потребовала улучшения синхронизации работников» (Thompson 1967: 69). Здесь Томпсон описывает совпадение функциональной необходимости часов и их социального распространения.

Однако это скорее уход от ответа, чем ответ на него. Тезис Томпсона позволяет выдвинуть более сложную концепцию, из которой следует, что часы — это то, что капитал некоторым образом апроприирует, переописывает в своей логике, превращая статусное различие в социальную необходимость. Таким образом, часы в некотором смысле необходимы капиталу для осуществления темпорального принуждения, но он не является единственным механизмом их распространения. Иными словами, формирование капиталистических производственных отношений осуществляет движение от часов (и владения временем в целом) как партикулярного, статусного различия к всеобщности часов. Часы переходят от способа различить к способу, который объединяет все общество.

Дополнить этот аргумент может работа Мартина Брейгеля (Bruegel 1995). Он пишет, что перед тем как часы можно было использовать эко-

номически, они должны были получить статусную легитимацию. По его мнению, владение часами не росло изначально из-за их функционального соответствия новому рационализирующемуся социальному порядку. Первые покупки часов имели статусный характер. Это были неточные, но дорогие аксессуары, которые позволяли подчеркнуть социальное положение. Статусность же определялась тем, что указывала на их владельца как на человека, который имеет возможность устанавливать свои ритмы, не зависеть от природных сил. Часы выступали символом преодоления «необходимости» (Bruegel 1995: 551). Тезис Брейгеля позволяет обнаружить, что теории об изменении временных режимов и символическая игра различий самих агентов имеют в себе нечто общее, поскольку люди использовали часы, чтобы обозначить свою автономию от природного порядка.

Переходя к другому технологическому элементу — машинному производству, хочется заметить, что, несмотря на внимание к индустриализму, Томпсон не так много говорит о развитии машин и технологии в связи с изменением временного режима. В его тексте машинное производство фигурирует как элемент самоописания эпохи, в котором машины воспринимались как некоторый «учитель дисциплины». Томпсон ссылается на современника-моралиста, который жалуется, что гончары обладают низкой степенью дисциплины, потому что их труд все еще недостаточно механизирован. Томпсон отдает дань представлениям эпохи о самой себе.

Аргумент про значимость машинного производства для переживания времени развивает Найджел Трифт. По его мнению, интеграция машин и людей может произойти только если вторые будут обладать должной дисциплиной. А возникнуть она может, только если рабочий будет приучен к ориентации во временных структурах машинного производства (Thrift 1990: 114). Н. Трифт пишет, что введение машинного производства создало предпосылки для окончательного формирования современного ощущения времени. Работа с машинами требовала определенных инструментальных компетенций, определенного отношения ко времени, которое уже не позволяло окончить труд по своему желанию. Логика машинного производства заставляет продолжать труд до момента, который предreshен внешним регулированием. Если на первых порах работник мог претендовать на то, чтобы завершить работу по получению необходимого количества средств, то теперь машины создают необходимость определенной дисциплины*. Эта дисциплина создается тремя способами, пишет Трифт:

* Машина уничтожает привычку уходить с работы, когда денег заработано достаточно (Thrift 1990: 115).

негативные санкции, денежные стимулы и формирование нового рабочего этоса. И если первое время в ход шли наказания и санкции, то к XX в. все чаще используются денежные поощрения.

Однако тезис о машинной организации производства идет рука об руку с тезисом о разделении труда и соответствующей необходимости синхронизации этого труда.

Чем больше людей занято в производстве, чем более развито разделение труда, тем время становится значимее. Небольшие мануфактуры еще позволяли себе сохранять элементы «ориентации на задачу» — такой труд сохраняет характеристики гибкости и нерегулярности и ремесленного мастерства, утверждает Томпсон. Но чем больше укрупняется производство, чем больше механизмируются и упрощаются задачи каждого отдельного рабочего, тем проще такой труд описывается в терминах измерения временем. Трифт поясняет, что именно разделение труда и понижение квалификации труда создает возможность для измерения его в абстрактных трудовых единицах (Thrift 1990: 114).

Более того, разделение труда создает возможности для распространения машинного производства, поскольку прежде чем машины смогут занять свое место в производстве, трудовые операции должны быть сведены к простым и регулярным движениям. Машина встраивается в такую организацию труда органично, но как только это происходит, то уже машина начинает «требовать» воспроизводства определенной временной логики.

Возвращаясь к текстам Томаса и О'Мэйли, можно заметить, что если японский крестьянин и американский фермер тем или иным образом устанавливали моральные предписания, которые были необходимы для определенного отношения ко времени, то машины, будучи сами по себе часами, уже не «интересуются» этой моральной детерминацией. Иными словами, как только система машин включается в социальную жизнь, ее темпоральные предписания оказывают большую значимость на «чувство времени», чем социальные и экономические механизмы (Wendling 2009: 192–199).

Проблема взаимодействия разделения труда и машинных преобразований оказывается в центре проблематики Томпсона. И в то же время каузальные связи здесь не вполне проговариваются. И, что более важно, если мы соотносим временное сознание с такими техническими деталями организации труда, то что происходит, если внутри капиталистической организации воспроизводится/возникает труд, который не связан со стандартизацией, регулярностью и координацией фордистского разделения труда и машинного производства? Эрик Хопкинс указывает на

то, что в середине XIX в. количество рабочих, занятых в немеханизированных производствах, было в три раза больше, чем число рабочих, занятых в механизированных производствах. В том числе заметная доля людей продолжала быть занятой в сельском хозяйстве или была домашней прислугой (Hopkins 1982: 53). По мнению Хопкинса, анализ Томпсона и согласие с его результатами среди большей части исследователей обусловлено вниманием к текстильному производству, в котором действительно были ярко выражены новые дисциплинарные техники, разделение труда, механизация и выработка иного отношения ко времени.

Таким образом, редукция «чувства времени» к технике создает серьезные ограничения. Отметим здесь, что подобная дилемма встроена в марксистскую оптику изначально. Происходит ли редукция к «простому труду» на практике либо же на формальном уровне, через приравнение «сложного труда» к «простому» в процессе обмена?*

Именно отсюда возникает необходимость рассмотреть отношения наемного труда и «денежной культуры» для формирования специфического отношения ко времени. Одним из основных элементов разрушения «ориентации на задачу» и предпосылкой индустриального «часового времени» является распространение отношений наемного труда. Томпсон пишет, что «как только рабочие руки оказываются нанятыми, мы видим точку, в которой “ориентация на задачу” сменяется “трудом во времени”» (Thompson 1967: 61). Томпсон ссылается на исторические документы, из которых следует, что именно неэффективность и растрата времени были основными аргументами против общинного владения землей и неогороженной сельской местности. Крестьяне, которые сохраняли возможность для самообеспечения, с трудом поддавались трудовому дисциплинированию и тут же от него отказывались, как только у них появлялась такая возможность. Крестьянин, который имеет свое хозяйство, может покинуть рабочее место, как только у него возникает необходимость «домашней работы». Томпсон позволяет сделать вывод, что пока для человека наемный труд является нерегулярным и необязательным источником дохода, ориентация на задачи и нерегулярность будут структурировать его отношение к жизни и труду.

Через отношения наемного труда время структурируется для работника на «свое» и «не-свое», а для нанимателя создает необходимость контроля за оплаченным временем. Наемный труд разрушает три описан-

* О трех редукциях у Маркса и о непоследовательностях в их использовании пишет Жак Биде (Bidet 2007).

ных выше элемента «ориентации на задачу» и приводит к тому, что «вместо задачи доминирующей становится ценность времени, сведенного к деньгам. Время становится валютой: оно больше не проходит, оно тратится» (Thompson 1967: 61). В таких условиях время становится единицей расчета, вместе с этим оно сводится к деньгам. Время начинает пониматься через отсылку к денежным единицам.

Тим Ингольд считает, что специфическое отношение ко времени, которое Томпсон называет «экономия времени», возникает вследствие гомологии между деньгами и временем. Он пишет, что товаризация труда и обмен его результатов на деньги создает гомологию между временем и деньгами, рождает специфическое отношение ко времени, которое теперь должно быть рационально использовано и просчитано (Ingold 1995). Указывая, что Томпсон недостаточно внимания уделил символическим значениям времени, Н. Трифт отмечает, что не столько индустриальная дисциплина сама по себе, сколько культурное распространение значимости денег, особое к ним отношение, изменение роли торговли оказывает влияние на восприятие времени. Иными словами, метафора «время — деньги» является не выражением интернализации определенного отношения ко времени, а его предпосылкой.

В то же время социальный историк Рихард Берняцки указывает, что процесс «монетизации рабочего дня» и монетизации времени в целом зависит от существующих концепций труда. Берняцки пишет, что схожесть экономических условий британских и немецких рабочих не привели к тому, что они одинаковым образом воспринимали отношения времени и заработной платы: немецкие рабочие и управляющие видели этот обмен как обмен денег на способности к труду, британские рабочие видели это как обмен денег на товар. И хотя «обе точки зрения были совместимы с капиталистической организацией производства, и обе точки зрения относятся ко времени как к дефицитному ресурсу, но они приводили к разным практикам на рабочем месте» (Biernacki 1994: 67–68).

Томпсон не закрывал для себя возможности того, что особая денежная культура оказывает влияние на «чувство времени». В то же время его упрощенное понимание неиндустриального времени, которое предполагается без должного внимания к культурным обрамлениям трудовых практик, не позволяет ему полностью раскрыть значимость «денежной культуры». Таким образом, в работе Томпсона наблюдается напряжение между объяснением через изменения в условиях труда и возникновение промышленной организации и объяснением через производственные отношения в более широком смысле.

Минувя индустриальное: современные трансформации организации труда и темпорального режима

Неопределенность каузальной первичности технической организации или формального аспекта товарно-денежных отношений помещает анализ Томпсона в странное положение, если мы попытаемся применить его для современности. По всей видимости, техническая организация труда претерпела изменения, значимость индустриального разделения труда и машинного производства снижается в сравнении с иными формами организации труда. В то же время товарно-денежные отношения и необходимость валоризации времени продолжают быть в основании феноменологии капитализма. Исходя из этого противоречия некоторые авторы полагают, что современный креативный либо нематериальный труд разрывает с темпоральной логикой капитализма, а другие показывают, что современная озабоченность временем и автоматические способы отслеживания рабочего времени доводят описанную Томпсоном логику до предела (Pitts 2018).

В этом разделе мы рассмотрим несколько попыток переформулировать выводы Томпсона таким образом, чтобы они были применимы к современным формам организации труда и восприятия времени.

Бет Рубин указывает, что анализ темпоральностей современного трудового процесса так или иначе полагается на Томпсона. В то же время эти работы выстроены таким образом, чтобы показать «разрыв» современного труда, чтобы сместить фокус с тех аспектов, на которые обращал внимание Томпсон, в пользу новых тенденций, среди которых глобализация, изменения трудовых договоров, уменьшение иерархизации, распространение информационных технологий и гибкость (Rubin 2007a).

Рубин выдвигает гипотезу о том, что современные преобразования организации труда свидетельствуют о том, что часовое время, о котором писал Томпсон, уступает новой форме времени. Эту форму времени она называет «время многоуровневых задач» (*layered-task time*).

По ее мнению, подобная организация труда основана на сцеплении новых методов наблюдения за временем (*time surveillance*), а также на переходе к нормативному контролю. Подобная организация труда, согласно Рубин, в каком-то смысле возвращает ориентированный на задачу труд, поскольку он снова оценивается на основе выполнения задач в неравномерном ритме малыми командами, в отличие от рутинного и линейного выполнения трудовых задач, о которых говорил Томпсон. Рубин выделяет несколько компонентов «времени многоуровневых задач». Во-первых, теперь труд не привязан строго к темпоральной границе. Работа идет до окончания проекта, а не в строго ограниченных временных про-

межутках. Таким образом, если ранее сверхурочные были в каком-то смысле внешними по отношению к оговоренной трудовой деятельности (а потому предполагалось, что за них должна быть повышенная плата), то теперь переработка внутренне присуща проекту, ведь он определяет границы, а не внешняя темпоральная рамка. Помимо прочего, ожидание переработок и полного погружения в проекты становится нормативным профессиональным требованием. Второй элемент, который выделяет Рубин, — это одновременность, т.е. то, что работа может одновременно вестись над разными задачами. Причем эти задачи могут требовать самых разнородных навыков, что составляет третий элемент — гибридизацию (*contaminatio*). Работа над этими задачами может быть прерывистой и фрагментированной, что составляет четвертый элемент.

Рубин противопоставляет элементы временной дисциплины среди современных и постсовременных организаций. Она считает, что происходит переход от централизации к децентрализации производства, иерархическая организация контроля сменяется сокращением иерархических уровней, разделение труда теряет свою четкость и устойчивость, а основным источником мотивации перестает быть денежное вознаграждение, которое уступает место конструированию идентичности и приобретению навыков. Что касается технологического аспекта, то здесь Рубин делает акцент на том, что организация труда все больше смещается от опоры на технологии, учитывающие время, к технологиям, связывающим время (*time binding*). Вместо создания четких единиц и блоков времени теперь происходит размывание рабочего времени, времени досуга и времени, доступного для семьи. Однако, как замечает Рубин, это смешение не возвращает автономию доиндустриальной эры, о которой говорил Томпсон.

Резюмируя свою концептуализацию «времени многоуровневых задач», Рубин отмечает двойственную природу такой организации времени: с одной стороны, она включает элементы ориентации на задачу и событийность, поскольку работа осуществляется до выполнения задачи, но, с другой стороны, такое время продолжает оставаться часовым временем в той степени, в котором оно переводится в деньги (Rubin 2007a: 532).

Из этого следует, что если техническая организация труда имеет меньшее значение для капиталистической темпоральности, чем монетизация времени, то в этом случае Рубин может переоценивать «разрыв» между индустриальным временем и временем организаций в «новой экономике», следующий за изменениями организационных форм.

Ирландская исследовательница Эйлин О'Кэрролл акцентирует внимание на двух элементах, которые отличают современное время от индустриального (O'Carroll 2008). Во-первых, это больший акцент на произ-

водство знаний и символов, которое не может быть запланировано и учтено с помощью линейного времени. Во-вторых, это усиление роли непредсказуемости рабочих процессов и самой занятости.

По мнению Э. О'Кэрролл, производство символов и знания имеет свою особенную темпоральность, которая не подчиняется линейной и кумулятивной логике. Здесь больше не значит лучше, а результату не всегда предшествует большое количество труда. Зачастую определяющими становятся моменты «озарения», в которые необходимое решение приходит в голову, стоит лишь прекратить труд в активной форме, отвлечься. Вместе с этим создается особая «серая зона», где ты работаешь и не работаешь одновременно, деятельность, которая необходима для решения задачи, но не связана напрямую с результатом и которая не найдет в нем прямого выражения.

Противоречие, которое отмечает Э. О'Кэрролл, заключается в том, что попытки рационализировать этот процесс посредством обращения к калкулятивным техникам часового времени самопротиворечивы, обречены на провал. Однако квантифицированные модели оценки труда стремятся так или иначе вместить в себя этот труд, и вместе с этим подсказывают, что сами работники должны это время рационализировать. Столкновение двух рациональностей времени, двух телеологических цепочек (сцеплений «средство — задача») создают ощущение спешки, тревоги и провала.

Э. О'Кэрролл выделяет два аспекта, которые нарушают строгую логику измеримости и предсказуемости. Первый аспект — это «расплывчатые прерывания» (*fuzzy holes*), т.е. стихийный отрыв от работы, который, однако, остается в ее пределах. Основной пример здесь — проверка электронной почты. Если раньше перерывы в работе были способом разбавить трудовую рутину, то теперь они являются способом осуществлять труд, но подходя к нему с другой стороны. Второй аспект, о котором говорит О'Кэрролл — это «неосозаемое время» (*intangible times*), под которым понимается ряд действий, которые необходимы для выполнения работы, но которые не связаны с самим рабочем процессом напрямую, не находят выражения в готовом продукте, не учитываются мерами эффективности и не могут быть засчитаны как «общественно полезные».

Антонелла Корсани считает, что современные изменения труда описываются в первую очередь через две тенденции: внедрение краткосрочных трудовых договоров и возвращение фигуры независимого работника (Корсани 2015). Она указывает на сосуществование «расщепленного труда» индустриального работника и «расщепленной занятости» автономных работников. Быстрый рост второй группы делает ее более значимой, что позволяет Корсани заявлять об «антропологической трансформации»,

которая затрагивает хронопорядок трудовой деятельности и восприятие разных типов времени экзистенции (Там же: 34).

А. Корсани добавляет к анализу Томпсона еще один важный элемент — стабильность занятости. До XIX в, несмотря на описываемые Томпсоном изменения, стабильная занятость была редкостью в сравнении с общепринятой срочной занятостью. Рабочие предпочитали наниматься на завод на краткий срок, в то время как в интересах индустрии было обеспечить стабильный и непрерывный поток рабочих, поясняет Корсани. По мере того как возможности обеспечивать себе дополнительный доход в рамках независимого, нефабричного труда уменьшались, требование стабильной занятости превращалось из необходимости индустрии в требования рабочего движения и профсоюзов. Таким образом, полная интернализация темпоральности индустриального капитализма, по Корсани, происходит только вместе с установлением стабильной занятости, регулируемой стандартными темпоральными категориями.

По мнению А. Корсани, постфордизм свидетельствует о разложении этого темпорального согласия и проблематизации того, что она называет темпоральной экзистенцией. Эти изменения связаны с появлением «работников знания», которые продают уже не только свое время и рабочую силу, но и свою субъективность в целом. Более продуктивная реализация этой субъективности требует наделения работника определенной автономией, в то время как излишняя временная дисциплина может снизить производительность такого работника. В идеале такой работник должен осуществлять производство не только на рабочем месте, но и подчинив ему всю свою жизнь. Эта тенденция, по словам А. Корсани, выражается в переходе от «работника знания» к «самопредпринимателю».

На основе типологии Уильяма Гроссина А. Корсани вырабатывает основные элементы темпоральной экзистенции самопредпринимателя. Он лишен *темпоральной ориентации*, поскольку постоянно изменяются хронологические ориентиры и структуры повседневности. Неопределенность и прекратность занятости даже квалифицированных рабочих создает невозможность четкого планирования и представления будущего, что приводит к сужению *темпорального горизонта*. Такой работник находится в *режиме постоянного доступа*, его время открыто для вмешательства рабочей деятельности. Его время, как пишет А. Корсани, «заранее занято». Такой работник устремлен в то, чтобы управлять своим временем, но его *темпоральный менеджмент* затруднен. Для такого работника *темпоральное творчество*, способность создавать свое время, связано с рабочим временем, в котором он обладает «автономией». Досуг же сопряжен с постоянным напряжением, невозможностью освободить его от требований работы.

Своим временем работник владеет гораздо меньше, чем проданным. Досуг начинает быть источником стресса в большей степени, чем работа. В итоге парадоксальным образом для такого работника происходит переворот томпсоновской пары «свое время — время хозяина».

Вышеперечисленные элементы, по мнению А. Корсани, свидетельствуют о темпоральной дезорганизации и колонизации свободного времени, что создает необходимость для переосмысления нашего отношения ко времени, выработки альтернативных форм обращения со временем и трудового сопротивления.

Заключение

Мы попытались разобрать основные положения работы Томпсона через призму его критической рецепции. Мы показали, что работа Томпсона не только представляет интерес как работа по социальной истории, но и делает важный вклад в дискуссию о предпосылках экономического поведения, а также позволяет строить социологические объяснительные модели, которые касаются связи между экономической организацией и чувством времени.

Мы показали, каким концептуальным инструментом пользуется Томпсон для того, чтобы провести различие между неиндустриальным и индустриальным отношением ко времени, одновременно с этим мы выявили, какие противоречия рождает чтение Томпсона через простую дихотомизацию и сведение его нарратива к единой и линейной истории становления «часового времени». Затем мы продемонстрировали, каким образом у Томпсона и авторов, развивающих его положения, сочленяются такие детерминанты отношения ко времени, как машинная организация труда, разделение труда, наемный труд и денежная культура.

Если его тезис о стандартизации труда, об определенной форме временной дисциплины относится только к определенному, пускай и значимому периоду и если он актуален только для специфически индустриального труда, для определенного пролетария и определенного капиталиста, то каков статус анализа Томпсона сегодня? Если его акцент был поставлен на технической организации труда, то движение в сторону так называемой постфордистской организации труда заставляет поставить вопрос об изменении чувства времени сообразно этому новому способу. Если для Томпсона центральное место занимают именно социальные отношения в производстве, то тогда нужно отметить место его тезисам об индустриальной организации и стандартизации труда и показать, каким образом временная дисциплина может навязываться, оставаясь капиталистической, но будучи лишенной регулярности и стандартизованности.

Что, собственно говоря, происходит, если мы замечаем, что описания трансформации современного труда как будто бы противоположны Томпсону? Если современный труд снова тяжело отличить от досуга, если он снова фрагментирован, если большая часть его снова тяжело поддается часовому измерению. И поможет ли Томпсон нам найти ответ на вопрос, насколько такой труд может быть вписан в индустриальные стандарты измеримости, предсказуемости и дисциплины?

Томпсон отдельно замечает, что он не пытается показать, что один образ жизни лучше другого, но лишь пытается подчеркнуть, что современное и радикально привычное нам отношение ко времени не является ни само собой разумеющимся, ни следствием постепенного эволюционного развития, а представляет собой результат конфликтов, столкновений, сопротивления и реакцией на это сопротивление. Томпсон указывает, что внимания к изменчивости «чувства времени» достаточно, чтобы поставить под сомнение любую прямолинейную модель экономического роста. Возможно ли, что за пределами этого роста, спрашивает Томпсон, мы обнаружим ту точку перелома, за которой необходимость в дисциплинарном отношении ко времени пропадет, точку, в которой произойдет декомпозиция «часового времени», и какие конфликты будут свидетельством того, что отношение ко времени снова меняется?

Томпсон писал о том, что преодоление стандарта часового времени, нашего подчинения ему возможно только с учетом умения разрушать границу между работой и жизнью. Но, замечает Дж. Холлоуэй, это разрушение границ можно понимать в двух значениях: либо как уход от отчуждения труда, включение его в ритмы и потребности жизни, либо как полное распространение логики труда на всю жизнь (Holloway 2011).

Если рыночные императивы отступят, если не будет необходимости воспринимать время как ресурс, как товар, то на что будет направлено это время? «Каким образом будут переживать мир люди, которые будут обладать временем для жизни, не управляемое внешним принуждением?» — задается важным вопросом Томпсон. В то же время сегодня проблема может звучать иным образом: каким образом будут переживать значимость своей жизни люди, время которых оказалось излишним из-за технологической безработицы (Danaher 2017)?

Литература

- Корсани А. (2015) Трансформации труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени. *Логос*, 25(3): 51–71.
- Осборн П. (2012) Маркс и философия времени. *Ἐπιφύλαξα. Журнал философских переводов*, 1: 35–52.

Фрис Я. д. (2016) *Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней*. М.: Дело.

Энгельс Ф. (1962) Дополнения к третьему тому «Капитала». В кн: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 25–2. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры: 459–486.

Bidet J. (2007) *Exploring Marx's Capital: Philosophical, economic and political dimensions*. Leiden: Brill; Biggleswade.

Biernacki R. (1994) Time Cents: The Monetization of the Workday in Comparative Perspective. In: Friedland R., Boden D. (eds.). *NowHere. Space, time and modernity*. Berkeley: University of California Press: 61–94.

Bonefeld W. (2010) Abstract labour: Against its nature and on its time. *Capital & Class*, 34(2): 257–276.

Bowker G.C. (1995) Second Nature once Removed Time, Space and Representations. *Time & Society*, 4(1): 47–66.

Bruegel M. (1995) “Time That Can Be Relied upon”. The Evolution of Time Consciousness in the Mid-Hudson Valley, 1790–1860. *Journal of Social History*, 547–564.

Clark G. (1994) Factory discipline. *The Journal of Economic History*, 54(1): 128–163.

Danaher J. (2017) Will life be worth living in a world without work? Technological Unemployment and the Meaning of Life. *Science and engineering ethics*, 23(1): 41–64.

Glennie P., Thrift N. (1996) Reworking E. Thompson's “Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism”. *Time & Society*, 5(3): 275–299.

Hassard J. (2017) Time and Industrial Sociology. In: Blyton P., Hassard J., Hill S., Starkey K. (eds.). *Time, work, and organization*. L.: Routledge: 13–34.

Holloway J. (2011) Thompson and the Decomposition of Abstract Time. *The Free Association Blog* [<https://libcom.org/blog/clock-time-life-time-saving-03112011>] (дата обращения: 08.04.2018).

Hopkins E. (1982) Working Hours and Conditions during the Industrial Revolution: A Re-Appraisal. *The economic history review*, 35(1): 52–66.

Ingold T. (1995) Work, Time and Industry. *Time & Society*, 4(1): 5–28.

Lotz C. (2014) *The capitalist schema: Time, money, and the culture of abstraction*. L.: Lexington Books.

Martineau J. (2015) *Time, capitalism and alienation: A socio-historical inquiry into the making of modern time*. L.: Brill.

Martineau J. (2017) Making sense of the history of clock-time, reflections on Glennie and Thrift's Shaping the Day. *Time & Society*, 26(3): 305–320.

Millar K.M. (2015) The tempo of wageless work: EP Thompson's time-sense at the edges of Rio de Janeiro. *Focaal*, 2015(73): 28–40.

O'Carroll A. (2008) Fuzzy Holes and Intangible Time: Time in a knowledge industry. *Time & Society*, 17(2–3): 179–193.

O'Malley M. (1992) Time, work and task orientation: a critique of American historiography. *Time & Society*, 1(3): 341–358.

Pitts F.H. (2017) *Critiquing capitalism today: New ways to read Marx*. N.Y.: Springer International Publ.

Pitts F.H. (2018) A crisis of measurability? Critiquing post-operaismo on labour, value and the basic income. *Capital & Class*, 42(1): 3–21.

Postone M. (1993) *Time, labor, and social domination: A reinterpretation of Marx's critical theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rosa H. (2013) *Social acceleration: A new theory of modernity*. N.Y.: Columbia University Press.

Rubin B.A. (2007a) New Times Redux: Layering Time in the New Economy. In: Rubin B.A. (ed.). *Workplace Temporalities*. Emerald Group Publishing Limited: 527–548.

Rubin B.A. (2007b) Time-Work Discipline in the 21st Century. In: Rubin B.A. (ed.). *Workplace Temporalities*. Emerald Group Publishing Limited: 1–26.

Sauter M.J. (2007) Clockwatchers and Stargazers: Time Discipline in Early Modern Berlin. *The American Historical Review*, 112(3): 685–709.

Smith T.C. (1986) Peasant time and factory time in Japan. *Past & Present*, 111: 165–197.

Smith M.M. (1997) *Mastered by the clock: Time, slavery, and freedom in the American South*. Chapel Hill; L.: University of North Carolina Press.

Snyder B.H. (2013) From vigilance to busyness: A neo-Weberian approach to clock time. *Sociological Theory*, 31(3): 243–266.

Thomas K. (1964) Work and leisure. *Past & Present*, 29: 50–66.

Thompson E. (1967) Time, work-discipline, and industrial capitalism. *Past & Present*, 38: 56–97.

Thrift N.J. (1990) The making of a capitalist time consciousness. In: Hassard J. (ed.). *The sociology of time*. N.Y.: Palgrave Macmillan: 105–129.

Tomba M. (2013) *Marx's temporalities*. Leiden: Brill.

Tombazos S. (2014) *Time in Marx: The categories of time in Marx's Capital*. Leiden; Boston: Brill.

Vercellone C. (2007) From formal subsumption to general intellect: Elements for a Marxist reading of the thesis of cognitive capitalism. *Historical Materialism*, 15(1): 13–36.

Voth H.-J. (1998) Time and work in eighteenth-century London. *The Journal of Economic History*, 58(1): 29–58.

Wendling A.E. (2009) *Karl Marx on technology and alienation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Whipp R. (1987) A time to every purpose: an essay on time and work. In: Joyce P. (ed.) *The historical meanings of work*. Cambridge; L., N.Y.: Cambridge University Press: 210–236.

TIME FOR LABOUR AND ITS ORIGINS: E.P. THOMPSON ON THE TEMPORALITY OF INDUSTRIAL CAPITALISM

Ilya Kononov (iakonov@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Kononov I. (2019) Rozhdeniye vremeni dlya truda: retseptsiya raboty Edvarda Tompsona o vozniknovenii kapitalisticheskogo temporal'nogo soznaniya [Time for labour and its origins: E.P. Thompson on the temporality of industrial capitalism]. *Zhurnal Sotsiologii I Sotsialnoy Antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(1): 193–224 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.9>

Abstract. Edward P. Thompson wrote one of the most important works touching on the origins of the temporal consciousness of industrial capitalism. Thompson showed how difficult was the process of acquiring a new attitude towards time and the formation of temporal subjectivity necessary for the reproduction of capitalist relations. At the same time, contemporary transformations of economic organization and social life call into question the established ways of dealing with time. Returning to Thompson's work and its reception will allow us to better understand these transformations and to inquire whether we are now witnessing a historical break in the temporal regime. This article is a critical overview focusing on Thompson's conceptual resources and subsequent discussions concerning his work. In particular, 1) explication of Thompson's critique of economism by means of displacement of economic ontology by the sociological relationship between value and time; 2) the conceptualization of the transition from "task orientation" to "clock orientation"; 3) critical review of various causal elements that contribute to the formation of temporal subjectivity; 4) comparison of Thompson's theses with modern arguments focusing on the transformation of labor organization and the formation of the corresponding attitude to time.

Keywords: industrial capitalism, time discipline, clock time, temporality, sociology of time, labour, E.P. Thompson.

References

- Bidet J. (2007) *Exploring Marx's Capital: Philosophical, economic and political dimensions*. Leiden: Brill; Biggleswade.
- Biernacki R. (1994) Time Cents: The Monetization of the Workday in Comparative Perspective. In: Friedland R., Boden D. (eds.). *Now Here. Space, time and modernity*. Berkeley: University of California Press: 61–94.
- Bonefeld W. (2010) Abstract labour: Against its nature and on its time. *Capital & Class*, 34(2): 257–276.
- Bowker G.C. (1995) Second Nature once Removed Time, Space and Representations. *Time & Society*, 4(1): 47–66.
- Bruegel M. (1995) "Time That Can Be Relied upon". The Evolution of Time Consciousness in the Mid-Hudson Valley, 1790–1860. *Journal of Social History*, 547–564.

- Clark G. (1994) Factory discipline. *The Journal of Economic History*, 54(1): 128–163.
- Corsani A. (2015) Transformatsii truda i ego temporalnostey. Khronologicheskaya dezoriyentatsiya i kolonizatsiya nerabocheho vremeni [Transformation of labor and its temporalities: chronological disorientation and the colonization of non-working time]. *Logos*, 25(3): 51–71 (in Russian).
- Danaher J. (2017) Will life be worth living in a world without work? Technological Unemployment and the Meaning of Life. *Science and engineering ethics*, 23(1): 41–64.
- Engels F. (1962) Dopolneniya k tretyemu tomu «Kapitala» [Additions to the third volume of “Capital”]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Collected works]. 2nd ed. Vol. 25–2. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury: 459–486 (in Russian).
- Glennie P., Thrift N. (1996) Reworking E. Thompson’s “Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism”. *Time & Society*, 5(3): 275–299.
- Hassard J. (2017) Time and Industrial Sociology. In: Blyton P., Hassard J., Hill S., Starkey K. (eds.). *Time, work, and organization*. London: Routledge: 13–34.
- Holloway J. (2011) Thompson and the Decomposition of Abstract Time. *The Free Association Blog* [<https://libcom.org/blog/clock-time-life-time-saving-03112011>] (accessed: 08.04.2018).
- Hopkins E. (1982) Working Hours and Conditions during the Industrial Revolution: A Re-Appraisal. *The economic history review*, 35(1): 52–66.
- Ingold T. (1995) Work, Time and Industry. *Time & Society*, 4(1): 5–28.
- Lotz C. (2014) *The capitalist schema: Time, money, and the culture of abstraction*. L.: Lexington Books.
- Martineau J. (2015) *Time, capitalism and alienation: A socio-historical inquiry into the making of modern time*. London: Brill.
- Martineau J. (2017) Making sense of the history of clock-time, reflections on Glennie and Thrift’s Shaping the Day. *Time & Society*, 26(3): 305–320.
- Millar K.M. (2015) The tempo of wageless work: EP Thompson’s time-sense at the edges of Rio de Janeiro. *Focaal*, 2015(73): 28–40.
- O’Carroll A. (2008) Fuzzy Holes and Intangible Time: Time in a knowledge industry. *Time & Society*, 17(2–3): 179–193.
- O’Malley M. (1992) Time, work and task orientation: a critique of American historiography. *Time & Society*, 1(3): 341–358.
- Osborne P. (2012) Marx i filosofiya vremeni [Marx and the philosophy of time]. *Επιμνημόνικα. Zhurnal filosofskikh perevodov* [Journal of Philosophical Translations], 1: 35–52 (in Russian).
- Pitts F.H. (2017) *Critiquing capitalism today: New ways to read Marx*. New York: Springer International Pub.
- Pitts F.H. (2018) A crisis of measurability? Critiquing post-operaismo on labour, value and the basic income. *Capital & Class*, 42(1): 3–21.
- Postone M. (1993) *Time, labor, and social domination: A reinterpretation of Marx’s critical theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosa H. (2013) *Social acceleration: A new theory of modernity*. New York: Columbia University Press.

- Rubin B.A. (2007a) *New Times Redux: Layering Time in the New Economy*. In: Rubin B.A. (ed.). *Workplace Temporalities*. Emerald Group Publishing Limited: 527–548.
- Rubin B.A. (2007b) *Time-Work Discipline in the 21st Century*. In: Rubin B.A. (ed.). *Workplace Temporalities*. Emerald Group Publishing Limited: 1–26.
- Sauter M.J. (2007) *Clockwatchers and Stargazers: Time Discipline in Early Modern Berlin*. *The American Historical Review*, 112(3): 685–709.
- Smith T.C. (1986) *Peasant time and factory time in Japan*. *Past & Present*, 111: 165–197.
- Smith M.M. (1997) *Mastered by the clock: Time, slavery, and freedom in the American South*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press.
- Snyder B.H. (2013) *From vigilance to busyness: A neo-Weberian approach to clock time*. *Sociological Theory*, 31(3): 243–266.
- Thomas K. (1964) *Work and leisure*. *Past & Present*, 29: 50–66.
- Thompson E. (1967) *Time, work-discipline, and industrial capitalism*. *Past & Present*, 38: 56–97.
- Thrift N.J. (1990) *The making of a capitalist time consciousness*. In: Hassard J. (ed.). *The sociology of time*. New York: Palgrave Macmillan: 105–129.
- Tomba M. (2013) *Marx's temporalities*. Leiden: Brill.
- Tombazos S. (2014) *Time in Marx: The categories of time in Marx's Capital*. Leiden; Boston: Brill.
- Vercellone C. (2007) *From formal subsumption to general intellect: Elements for a Marxist reading of the thesis of cognitive capitalism*. *Historical Materialism*, 15(1): 13–36.
- Voth H.-J. (1998) *Time and work in eighteenth-century London*. *The Journal of Economic History*, 58(1): 29–58.
- Vries de J. (2016) *Revolyutsiya trudolyubiya: Potrebitelskoye povedeniye i ekonomika domokhozyaystv s 1650 goda do nashikh dney* [The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present]. Moscow: Delo (in Russian).
- Wendling A.E. (2009) *Karl Marx on technology and alienation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Whipp R. (1987) *A time to every purpose: an essay on time and work*. In: Joyce P. (ed.) *The historical meanings of work*. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press: 210–236.